

27 МАР 1984

Так просто и сложно

Встречи с актрисой Людмилой Федоровной Быновой-Казаковой жду всегда с интересом. Умеет она, как говорится, зацепить душу, растрогать... Может, кому-то на первый взгляд и покажется, что Бынова на сцене подчас излишне проста, без каких-либо эмоциональных всплесков. Но это — только на первый взгляд.

Людмила Федоровна пришла в труппу Архангельского театра драмы имени М. В. Ломоносова пятнадцать лет назад. Недавняя выпускница Ярославского училища, она была молода, трепетно влюблена в сцену, но уже не производила впечатления неопытной дебютантки. Вероятно, тому немало способствовали ее личностные качества, манера поведения, внешность. Во всяком случае люблю себя на том, что улыбаюсь, когда вспоминаю ее ту, прежнюю. Вышла в городе, а похожа на деревенскую: крепенькая, основательная, певу-

чим своим голосом говорила не по возрасту степенно, рассудительно. «Погляди, какое чудо из чудес к нам пришло: девчонка вся от земли!» — сказал однажды, показывая на Бынову, Сергей Николаевич Плотников. Разглядел он, мудрый и опытный, что вырастет тут актриса.

И архангельские зрители, не очень-то быстрые на похвалу, заметили Бынову. Первый раз она вышла к нам в спектакле «Любовь Яровая». Играла Людмила разбитную девицу, со смутными представлениями о нравственности — получалось в общем-то лихо. И вдруг как будто что-то кольнуло нас — в глазах у непухих этой мелькнула затравленная тоска.

Словом, были, значит, основания у руководства театра доверить новой актрисе одну из центральных ролей в пьесе Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Для зрителей это стало настоящим открытием. Сколько лет прошло, но до сих пор ясно вижу: на сцене появилось розовое существо, все в нем мыслимых оборках, воланах, на голове — огромный капор, губы в «трубочку», глаза в прищуре зазвонном. Жить против своей природы не могу — вот, казалось бы, и вся философия. Зрители хотели от души. Но глаза у дурочки вдруг застыли. возле губ обнаруживалась жесткая складка, и нам станвилось как-то не по себе: а ведь хищница из личинки выползает...

Так еще с первых ролей молодой актрисы мы почувствовали, что ее работа требует пристального внимания: за внешней безыскусственностью скрывается нечто очень и очень сложное.

Лишь спустя много лет, совсем недавно, зрители вновь увидели Л. Ф. Бынову в пьесе Островского. На этот раз в «Красавце мужчине». Теперь, конечно, у нее немалый жизненный, профессиональный опыт. И всей природой своего таланта она давно уже доказала органичную связь с творчеством классика русской драматургии. Но тем обиднее за то, что годами не играла Людмила Федоровна в комедиях этого автора.

Внешне опять все просто и открыто. Сосипатра Семеновна Быновой не очень молсда но еще привлекательна. Случайно (а может быть, и нет?) встре-

тившись с дельцом Лотохиным, Сосипатра в общем-то с заботой, но и не особенно волнуясь, просит у него совета, как не упустить толику своего капитала. А когда Лотохин наставляет ее, она вроде бы и слушает его, но без интереса. Зато благодарит за помощь горячо — выгоду хорошо чувствует. Как все это в духе Островского!

Впрочем, все это в Сосипатре уже приводилось видеть в других постановках, а потому привычно было и ожидать от нее «бряхимовскую» страсть к интригам: мол, уж коль не удалось заполучить красавца-мужчину, то гори он синим пламенем. И Л. Ф. Бынова вела сначала нас к этому, а потом снова перекроила все по-своему. И вдруг увиделась в Сосипатре давняя трагедия, глубоко уязвленное женское достоинство. Не важно, кто в том виноват: красавец ли мужчина Аполлон, или другой — в Бряхимове нет недостатка в хищниках. Важно, что умная, сильная Сосипатра когда-то не смогла противостоять подлости, стала частью своей среды, но отомстила за себя в конце концов сполна.

В жизни доброжелательно настроенная к окружающим, Людмила Федоровна с трудом идет на признание хоть малого зла в своих героинях, если они полюбились ей. Но если признает за ними зло, то уж со всей силой своего сердца. Вспоминаю ее Харитину, жену Егора Полушкина в спектакле «Не стреляйте в белых лебедей». Да, кричала на мужа-бедоносца замученная заботами и нехватками Харитина, кричала, пока хватало воздуха, и знаков препинания не употребляла. Тяжелыми были от трудов ее руки, свинцом налитое все тело. Но Харитина Быновой добрее любила Егора, чем та, что в книге Бориса Васильева. И которая из них была больше права, трудно сказать. Обе были правы — у обеих оборвалось сердце со смертью мужа.

Сегодня, зная лучшую работу Людмилы Федоровны, можно сказать, что к ней она шла всю свою творческую жизнь. Это — Настена из инсценировки романа «Живи и помни» В. Распутина. Вообще этот спектакль для актрисы дорог и в профессиональном плане, и в личном. Людмила Федоровна хорошо знает, сколько сил стоила инсценировка романа ее мужу, актеру Владимиру Александровичу Казакову. Потому они вместе сыграли спектакль, в котором всего два действующих лица: Настена и сбегавший с дороги на фронт ее муж Андрей. Полтора часа идет спектакль, и за это время актриса в тяжких муках и редких радостях проживает всю нелегкую жизнь Настены. Л. Ф. Бынова создала образ русской женщины огромной красоты и силы. Сделала это внешне неброско, негромко, но с подлинным внутренним накалом.

Пронзительна финальная сцена, в которой Бынова несколько иначе, нежели в романе, трактует последний шаг Настены: из лодки в реку. Нет, не боязнь быть разоблаченной в том, что скрывала дезертира-мужа, а муки совести приводят эту светлую женщину к гибели. Актриса в этом эпизоде предельно лаконична. Кажется, что Настена уже ничего не чувствует, не видит, кроме своей душевной боли. Медленно снимает она с плеч платок — из вытянутой вперед руки черная ткань тяжело опускается вниз. И хотя на сцене нет ни неба, ни реки, мы успеваем увидеть в широко раскрытых глазах женщины мелькнувший отблеск звезд, слышим жуткий всплеск воды и затем долгую, тягостную тишину...

Л. Ф. Бынова — актриса больших возможностей. Она не может только одного — притворяться. И, зная это, мы так верим ей.

Н. ОРЛОВА.

На снимке: заслуженная артистка РСФСР Л. Ф. Бынова.

Фото В. Гайкина.